

Валерий Бронников

Жили
старик
со старухой

Рассказы

Валерий Бронников

**Жили старик
со старухой. Рассказы**

«Издательские решения»

Бронников В.

Жили старик со старухой. Рассказы / В. Бронников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983551-2

В предлагаемых читателю рассказах уже по традиции взяты случаи из реальной жизни, происходящие с людьми во многих уголках нашей Великой России, далёких от политики, но которым свойственно всё земное, близкое их душе и мировоззрению; живущих в единении с природой в гармонии и взаимопонимании. С уважением к читателям: Валерий Бронников

ISBN 978-5-44-983551-2

© Бронников В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	8
Второй день рождения	8
Второе рождение	17
День России	22
Жених	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жили старик со старухой Рассказы

Валерий Бронников

© Валерий Бронников, 2021

ISBN 978-5-4498-3551-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

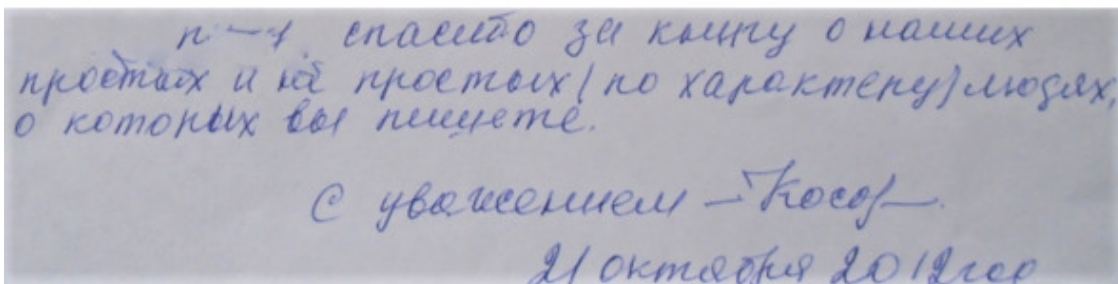

**...Русской силой держалась Русь.
Отслужила свое хлеб-соль.
Мир не стоит нашей любви.
Русский русскому, как пароль,
Имя нации назови.
Перешел в набат благовест.
И нельзя избежать борьбы.
Могут вынести русский крест
Только наши с тобой горбы.
Русским духом, народ, крепись
У последней своей черты.
Русский русскому поклонись.
Русский русского защити.
Душу русскую сохрани.
Землю русскую сбереги.
В окаянные эти дни
Русский русскому помоги!**

*Владимир Семёнович Высоцкий
/1938-1980/
поэт, прозаик, автор-исполнитель песен, актёр*

Валерий Бронников родился 1 апреля 1949 года в с. Заяцкий Мыс на южном берегу Белого моря. По образованию инженер-механик по самолётам и двигателям, работал по профессии более 50 лет. Автор многих произведений прозы и стихов, а также детской литературы. Член творческого объединения «Вашка».

От автора

Народ Российской глубинки наступившим двадцать первым веком и обрушившимися на него западными реформами оказался унижен и раздавлен, но не уничтожен и не сломлен. Не имея подчас работы, заработка, средств к существованию, люди в деревне продолжают жить, наперекор ударившей их судьбе, по своим обычаям, не забывая соблюдать традиции и, усмехаясь над тем, как ретивые, красиво одетые, молодые и здоровые, но, не имеющие представления о жизни Российской глубинки, ораторы в телевизоре учат их жить по-новому, на свой манер, со своим убогим пониманием всего происходящего, доказывая, что они шагнули в новую реальность.

Проблески понимания и осознания произошедшего катаклизма стали появляться у новых чиновников через много лет, когда в деревне практически ничего не осталось, а люди переселились в мир иной, не выдержав губительных реформ.

Потеряв всё, что у них было, простые люди не утратили чувства юмора, честь и достоинство. Юмор помогает выживать. Смешно видеть, как для нищих зрителей во вновь создаваемых сериалах и фильмах показывают, как перекидываются пачки и сумки денег – это те самые деньги, которые якобы потратили на ремонт дорог, но дороги были и остаются в катастрофически непригодном для езды состоянии; на строительство космодрома, но космодром обокрали; на развитие науки, образования, здравоохранения, но и там не всё чисто, не говоря уже о культуре. Такая ситуация устраивает тех, кто ей владеет и пользуется.

В предлагаемых читателю рассказах уже по традиции взяты случаи из реальной жизни, происходящие с людьми во многих уголках нашей Великой России, далёких от политики, но которым свойственно всё земное, близкое их душе и мировоззрению; живущих в единении с природой, в гармонии и взаимопонимании.

С уважением к читателям: Валерий Бронников.

На обложке фото Владимира Иванова «Приехали»».

Рассказы

Второй день рождения

Когда вся суматоха улеглась, Николаю захотелось спокойствия и тишины. После нервного напряжения и состояния, которое он до этого не успел осмыслить и ощутить, вдруг наступили какая-то вялость, апатия, его потянуло в сон. Ему хотелось, чтобы никто не мешал, и все оставили его в покое. Но не тут-то было: только он стал анализировать всё случившееся, как в двухместную палату завезли на каталке соседа. Сосед по койке в больничной палате, не переставая, стонал и кричал, не давая сосредоточиться и подумать о том главном, что хотелось Николаю осмыслить, обдумать и проанализировать.

Ганов понимал, что сосед, вероятно, без сознания, что ему очень больно и что кричит он, не сознавая своих действий, в беспомощности. Но это Николая не успокаивало и мешало отдохнуть, прислушаться к себе, к своему внутреннему состоянию, ощутить свою боль от сломанной переносицы и других травм.

Соседа он узнал, уже лёжа на новом месте своего пребывания – это был тот самый пассажир в искусственной меховой шубе, который сидел с ним рядом в кресле в самолётном салоне. Сейчас он находился естественно без верхней одежды, укрыт одеялом и не переставал кричать.

Медсёстры и доктор куда-то подевались, вероятно, занимаясь другими больными, которых в этот день оказалось внезапно много.

Николаю казалось, что эти стоны он слышит давно, но прошло всего не более десяти минут, а может и того меньше – пришли нейрохирург и психотерапевт, стали колдовать над соседом. Медсёстры выбегали в коридор и снова заходили, что-то принося в руках и выполняя тихие, почти неслышные, команды докторов.

Началось всё для Николая ещё накануне вечером, когда он заселился в гостиницу аэропорта. Оказалось, что встречаются в коридоре в большинстве своём знакомые лица, которым, как и ему, надо вылетать очень ранним утренним рейсом в Тайболу. Кто-то из будущих пассажиров рейса ходил по коридору, кто-то расположился в просторном фойе у телевизора, скрываясь от шумных соседей и вечернего чаепития. В двух смежных комнатах слышались голоса, что-то активно обсуждающие. Чувствовалось, что собеседники мало слушают друг друга, а больше стараются высказать своё авторитетное мнение, которое, впрочем, никто из оппонентов не слушал или не слышал.

Николай спросил у попавшегося ему навстречу молодого командира самолёта, которого он знал, но по работе ранее с ним встречался, когда он ходил ещё во вторых пилотах:

– Что там за шум? – спросил он.

– Это наши, празднуют окончание тренажёрной подготовки, там целая толпа.

– А ты чего не празднуешь?

– А я после МКК, ввожусь в строй командиром самолёта, праздновать не хочется, завтра рано вставать.

– Зайду к ним, – подумав, сказал Николай, а ещё он подумал: «Растут люди, вот и новый командир воздушного судна!»

Ганов даже фамилию его вспомнил: Ваня Милов. Ещё он припомнил, что это тихий скромный парень, не выскочка и не рвач, и шумная компания вряд ли ему подходит.

Николай находился в самом расцвете сил, его на службе в авиалесоохране уважали и ценили, как опытного профессионала и наставника. Сам он среднего роста, спокойный и уравновешенный семьянин. Ему не раз приходилось прыгать с самолёта на парашюте в самое пекло лесного пожара вместе со своей группой и почти всегда они выходили победителями,

справившись в короткие сроки с огненным монстром. Сейчас он ехал домой из Перми, с курсов переподготовки инструкторов, на новогодние каникулы.

Николай, постучавшись, толкнул дверь одного из «шумных» номеров. В нос ударил душный воздух с дымом от табачных изделий. Приглушённый дверью шум сразу превратился в громкий гвалт. Не все из присутствовавших услышали его робкий стук в дверь и продолжали что-то доказывать друг другу. Небольшой стол гостиничного номера оказался заставлен посудой вперемешку с закусками и гранёными стаканами. Николай успел разглядеть, что из закусок преимущественно лежали ломтики и куски хлеба, пара луковиц и подозрительного вида колбаса из гостиничного буфета, а ещё, откуда-то взявшаяся, маленькая общипанная вяленая рыбка. Бутылки стояли полные и полупустые с водкой и пивом. Присутствующие его увидели. Прекратив свой бесконечный разговор, замахали руками и наперебой стали приглашать к столу, выделив место и подвинув на край стола один из пустых стаканов.

– Я не буду, – сказал Николай, – Завтра рано вставать. Я зашёл просто так, пообщаться.

– Общайся хоть сколько, – ответил долговязый пилот, – А уважить коллектив надо. Нам тоже завтра лететь и тоже утром.

В это время поставленный стакан будто сам собой наполнился, а рядом появился кусок хлеба с ломтем колбасы. Николай, чувствуя, что все взоры обращены на него, поднял стакан. Он понимал, что отказ не поймут, а угощать начнут все разом. Ганов для приличия немного отхлебнул и стал активно закусывать хлебом, чтобы отвлечь от себя внимание. Так и случилось: за столом опять воцарился оживлённый разговор без слушателей. Все присутствующие говорили, не очень обращая внимание на то, слушают их или нет. Только Николай оказался внимательным слушателем. Он был не в своём коллективе, поэтому никого не перебивал и не торопился высказать своё мнение. Ему хотелось побыть среди людей и скоротать вечернее время, чтобы потом сразу лечь спать. Через некоторое время, увидев, что количество напитков не иссякает, а, наоборот, увеличивается, он, улучшив подходящий момент, тихонько исчез и ушёл в свой номер, где устраивались на ночлег двое соседей.

Фёдор Павлович Гумнов, бортовой механик самолёта Ан-24, летал не очень продолжительное время, но успел стать высококлассным специалистом, прекрасно знающим своё дело в экипаже. Он, по своей натуре, с открытой русской душой, не слыл ханжой и отщепенцем и ему не было чуждо всё человеческое, но на работе он старался соблюдать дисциплину и никогда не нарушать лётные законы и правила.

А что было после работы – это начальство мало интересовало и обычно никто не вмешивался в личный досуг подчинённых.

Фёдор пришёл с училища молодым двадцатилетним пацаном, получившим профессию авиационного техника. Попав в «общагу», расположенную на территории аэропорта, он стал одним из многих её обитателей, разнокалиберных профессий и разных увлечений, но живших одной дружной семьёй. С виду Фёдор чуть ниже среднего роста, крепыш, не урод и не лысый, поэтому он через непродолжительное время обзавёлся, как все, своей собственной девчонкой. А вечера и даже ночи проводил в кругу друзей за игрой в карты – это самое распространённое занятие обитателей общежития. Книжки жильцы читали и даже смотрели иногда чёрно-белый телевизор с мутным изображением, но эти занятия надоедали.

Наставником на работе у Фёдора стал такой же молодой специалист, но старше его на один год, Алексей Боровиков. Он и учил Фёдора всем тонкостям и премудростям технической науки, объяснял, где можно слегка нарушить, а где ни в коем случае нельзя. В паре они неплохо сработались и на работе у них шло всё прекрасно, только оба мечтали уйти на лётную работу. Всё же монтаж колёс с помощью огромной кувалды и такого же гаечного ключа на самолёте Ли -2 – это одно, а летать по воздуху – это совершенно другое занятие.

Их старшие товарищи, недалеко ушедшие по возрасту, всего на один год, уже проходили медицинскую комиссию и готовились переучиваться на бортового механика.

Прошло после училища ни много, ни мало, а пять лет. Алексей уехал работать в Тайболу, не пройдя медицинскую комиссию, а Фёдор не попал, как говорят, «в струю» и его переучивание всё откладывалось и откладывалось по разным причинам: то излишек бортмехаников, то острая нехватка техников, то какие-то другие мешающие причины, меленькие и подленькие, но не дающие осуществить мечту.

Перестали летать самолёты ИЛ-14, как морально устаревшие и вылетавшие свой срок службы. На смену им пришли самолёты АН-24. Вот тогда и осуществилась мечта Фёдора Павловича. Он переучился на бортового механика и стал изредка летать в Тайболу, где друзья вновь смогли встречаться на перроне, только уже в разных «весовых категориях»: Фёдор окупился с головой в лётную работу, а Алексей работал ведущим инженером и учился параллельно в высшем учебном заведении.

Накануне того рокового зимнего дня Фёдор оказался в экипаже, стоящем по плану полётов в Тайболу. Члены экипажей частенько заменялись, прикрывая ушедших в отпуск, заболевших или отправившихся на учёбу и на тренажёр, как, например, молодые пилоты, ночевавшие перед рейсом в гостинице.

Утром двадцать четвёртого декабря Фёдор с раннего утра был у самолёта. Самолёт обслуживает и проверяет техническая бригада, но так уж Гумнов научился у своего наставника: всё прощупать и проверить самому, убедиться, что всё исправно, работоспособно и готово перевозить по воздуху пассажиров – так его учили и так он впоследствии привык работать. Он знал, что пассажиров привезут ещё не скоро и он успеет самолёт заправить, осмотреть и заполнить необходимую обязательную документацию.

– Ты что, Фёдор, со вчерашнего дня тут ходишь? – спросил его шутливо подошедший сменный инженер.

– Ты же знаешь, что я всегда с женой или с работой и никогда им не изменяю, – так же шутливо ответил Фёдор, – Не волнуйся, всё в порядке, самолёт я после вашей работы осмотрел и его принимаю.

– Я и не волнуюсь, особенно, если осмотрел его ещё и ты. Счастливого полёта, а я пойду к другим лайнерам. Сейчас начнётся! Только успевай убирать колодки. С утра все вылетают разом, как будто всем вдруг приспичило!

– Работай, сюда можешь больше не подходить.

Гостиница в то утро тоже пробуждалась. Ровно в шесть часов утра дежурная пошла стучаться в номера, из которых накануне поступил заказ о пробудке. Таких номеров оказалось несколько штук. Дежурная по этажу стучала в дверь, получала сонный ответ и шла дальше. За время своей работы она привыкла, что большинство постояльцев пассажиры или ночующие транзитные экипажи, поэтому правило своевременно разбудить постояльца никогда не нарушалось.

Николай, привыкший к дисциплине, быстро встал, оделся, но сильно спешить не стал, понимая, что идти ему до вокзала всего две минуты. Гостиничные постояльцы постепенно из номеров потянулись вяло текущим ручейком к вокзалу ожидать своей регистрации и посадки в самолёт.

На улице в конце декабря стояла какая-то осенняя погода: дождь не шёл, но чувствовалась промозглость, а низко висящие облака создавали впечатление непроглядной темени.

Здание аэровокзала оказалось переполнено людьми. Студенты различных учебных заведений спешили домой на встречу Нового года и на каникулы, а в Тайболу наострилась целая делегация молодых людей на свадьбу. Утренние рейсы выполнялись по расписанию с небольшим интервалом, поэтому и оказалось одновременно так много людей.

Когда объявили посадку в Тайболу, затрещали тонкие вокзальные перегородки. Пассажиры Тайболы устремились в узкий проход накопителя, где производилась посадка и на другие рейсы. На некоторое время создалась небольшая давка, заменившая утреннюю физзарядку.

Ситуация в вокзале стала меняться: в зале количество людей стало уменьшаться, а в накопителе, наоборот, становилось очень тесно. Пассажиры с трёх рейсов оказались в одной очень тесной компании.

Поскольку погода не очень благоприятствовала, пилоты дотошно изучали прогноз, метеорологические явления и прочие премудрости, не торопясь сообщать в накопитель о начале посадки людей в самолёт.

В автобусы пассажиры пошли со всех трёх рейсов, не понимая, где чей автобус и кому куда садиться. В итоге Тайбольский рейс не досчитался четверых пассажиров, но зато выловили одного лишнего, севшего не в свой автобус. Как позже выяснилось, четверыми оказались Тайбольские пилоты, не поленившиеся вечером накануне отметить прохождение тренажёра. Силы они не рассчитали и утром по причине «состояния невесомости» на посадку в самолёт опоздали.

В салон Николай сесть не торопился. Он выждал, когда пройдёт основная масса пассажиров и зашёл одним из последних. Стюардесса ему мило улыбнулась и указала на кресло в предпоследнем ряду у окна. Ганов заметил, что последний ряд пустовал. Николай достал из-за пазухи книжку про войну, которую выпросил перед отъездом у знакомого из Перми. Тот дал почитать с условием, что она к нему вернётся, предупредив, что она библиотечная. Ганов вяло полистал страницы, но читать их так и не стал, полумрак салона располагал к дреме. Пассажиры, рассевшись в свои кресла, старались досмотреть свои утренние сны, которые не досмотрели из-за раннего подъёма.

Рядом с Николаем сел сосед в искусственной шубе, который захрапел сразу же, как только плюхнулся в кресло. Полёт длится сорок минут – этого достаточно, чтобы отдохнуть после суматошной и несуразной посадки скопившихся пассажиров с трёх разных рейсов и в разные самолёты.

Никто из пассажиров не знал и не догадывался, что судьба поделила их уже на живых и мёртвых, распорядившись жизнями по-своему, только ей ведомому, закону.

Аэропорт Тайболы в этот субботний день не спал. Шла обычная работа по подготовке к принятию рейсового самолёта. Независимо от дня года, погоды и прочих факторов, взлётная полоса осматривалась и готовилась к полётам каждое утро. Техническая бригада в шесть утра начинала свою работу, занимаясь подготовкой к полётам местных самолётов АН-2. Работники всех служб находились на штатных местах и занимались своим привычным делом, а те, кому предписывалось координировать работу и действия всех служб, этим и занимались.

Алексей Боровиков в субботу использовал свой выходной день. Он с раннего утра ушёл в сторону аэропорта топить баню, которая находилась от аэропорта в пяти минутах ходьбы.

Погода явно не располагала тому, чтобы местные АН-2 сегодня поднялись в воздух. Низкие, свисавшие клочьями и насыщенные, неведь откуда взявшейся влагой, тучи чуть не цепляли верхушки ёлок и сосен. Стояло декабрьское тепло, никак не свойственное этому времени года. Снег почему-то не шёл, но он мог в любую минуту пойти из этих нагромодившихся туч. Алексей, ещё не дойдя до бани, подумал: «Погода явно сегодня не для полётов, но рейсовый самолёт вероятно прилетит».

Николай проснулся от заговорившего динамика, предупредившего о посадке. Он стал смотреть в сумрачное окно, где едва намечался рассвет короткого зимнего дня.

Опытный командир самолёта, не раз совершавший посадки при предельной видимости, в сплошной облачности, уверенно снижался на приводную радиостанцию. Так уж сложилось, что в Тайболе взлётная полоса находилась недалеко от реки и параллельно ей. Пилоты, зная эти особенности, при плохой видимости старались увидеть среди деревьев белую поверхность реки и, ориентируясь по ней, выходить для посадки на полосу. Такого правила не существовало, но многие пилоты делали именно так. В этот раз экипаж непроизвольно повторял всё в точности также, понимая, что река значительно ниже ёлок, которые пытаются упереться сво-

ими вершинами прямо в тучи. Самолёт вынырнул из облачности над рекой, круто повернул в сторону полосы и, нырнул опять в свисавшие до самых ёлок облака, которые здесь, в районе от дальнего до ближнего привода, свисали вниз даже в удовлетворительную погоду. Самолёт ещё несколько снизился, ощетинившись выпущенным шасси и закрылками. Стали видны вершины деревьев, но полосу самолёт проскочил. Командир резко и круто повернул к оси полосы, чтобы на неё попасть.

Так уж сложилось, что по действующим документам, начальники не очень желали, чтобы самолёт уходил на второй круг и жёг лишнее топливо. Пилоты об этом знали и понимали, что могут стать жертвой очередных разбирательств. Они стремились посадить самолёт, чтобы не стать белой вороной в своём лётном коллективе.

Прошли даже не секунды, а доли секунды, как самолёт повернул, но командир почувствовал, что он не совсем слушается.

– Взлётный режим? – почти шёпотом спросил Фёдор, понимая, что вся речь записывается и он не вправе подсказывать командиру в самый ответственный момент.

Ответа никакого не последовало, ни действиями, ни голосом.

А самолёт тем временем потерял скорость и не быстро, но сыпался вниз, где и так не было никакого запаса высоты. Из-за эволюций в посадочном положении он вышел с потерей скорости на критические углы, что сделало руль поворота почти неуправляемым.

Запоздало командир дал газ двигателям, пытаясь уйти на второй круг.

В утренних сумерках Николай разглядел в окно стремительно приближающиеся пики ёлок. Вдали мелькнули огоньки райцентра.

Вдруг у самой земли моторы как-то неестественно взревели. «Не понял!» – пробормотал Николай сам себе, поскольку никто его слышать не мог.

Далее началось невообразимое: перед самой землёй самолёт, словно вздыбившийся конь, задрал «морду» и резко пошёл вверх. Пассажиры испытали значительную перегрузку. Всем проснувшимся пассажирам стало не по себе. А ещё через мгновение самолёт словно застыл на месте, не сумев одолеть невидимую планку.

– Закрылки? – почти прошептал бортмеханик, понимая, что с закрылками в посадочном положении, самолёт на второй круг не уйдёт.

Ответа опять не последовало, а без команды командира Фёдор не решился ничего предпринять.

Люди в салоне зашевелились, кто-то крикнул: «Неужели падаем!». Самолёт начал неестественно крениться влево, на тот бок, где сидел Николай. Он, думая, что годовалая Танечка не увидит больше своего папку, инстинктивно, как парашютист, привыкший к экстремальным ситуациям, приготовился к столкновению с землёй и непроизвольно вытянул ноги, упершись ими в ножки впереди стоящего сидения, а руки, наоборот, сложил на животе и сам чуть согнулся, как учат пассажиров перед взлётом бортпроводники.

Самолёт, посыпавшись вниз, задел крылом вершину высокой ёлки на краю боковой полосы безопасности, а затем, почти сразу, задел левым крылом сугроб, подняв вверх мириады снежинок, укутав всё снежным туманом. Пилотская кабина сходу уткнулась в снег, пробив его до самой земли. Самолёт не дотянул до ровной бетонной полосы всего несколько десятков метров.

Коля почувствовал, как больно впились в бока привязные ремни, и почему-то отчётливо увидел, как его кроличья шапка с модным козырьком (подарок жены Кати) улетела куда-то вперёд.

Очнулся Николай от внезапной тишины и неприятного горелого запаха. Увидев впереди огромную дыру в переломившемся фюзеляже, он шагнул в проём, окровавленными руками разогнув свисавшую арматуру и обшивку самолёта. Машинально удивился, что она очень податлива, хотя на самом деле дюралюминиевая обшивка самолёта очень жёсткая. Николай

шагнул на снег. Стоя по колено в снегу рядом с упавшим самолётом, он осознал, что ничего себе не переломал. Очень захотелось по малой нужде – видно почки всё же здорово тряхнуло.

Он безразлично окинул взглядом хвост самолёта, единственную, не повреждённую часть; затем горящий один из двигателей и другие части самолёта. Пилотская кабина находилась где-то впереди, а фюзеляж разломился на три крупные части – всё это утопало в сугробах снега.

В одном из сугробов лежала женщина в клетчатом пальто. Николай стал приходить немного в себя и попытался её расшевелить, но по неестественно выкрученным рукам и ногам понял, что она мертва. Он обошёл хвост с другой стороны и стал бить рукой по обшивке:

– Эй, кто жив!

Услышав стон, Николай забрался внутрь и увидел стюардессу. Он помог ей выбраться на снег. Она находилась в сознании и, глядя на лётную куртку и унты Ганова, спросила:

– Ты, техник, как здесь оказался?

– Разве не помнишь, что я с твоего рейса, сидел рядом, в хвосте.

Николай отвёл стюардессу по сугробам к стоящим невдалеке берёзам и снова вернулся к самолёту. Он заглянул в проём фюзеляжа и увидел, что ещё одна женщина тянет оттуда к нему руки. Николай забрался внутрь, протянул навстречу свои руки и попытался ухватиться, но кровавая слизь на руках не позволила это сделать, как следует. Руки его соскользнули, и он упал на снег, а затем залез повторно и, ухватив женщину уже за пальто, потащил её наружу.

От берёз стюардесса закричала, чтобы они поскорее отползли в сторону, иначе взорвётся горящий двигатель. Очнувшись окончательно от крика, Николай увидел людей, которые пробирались к месту катастрофы через сугробы.

Через несколько минут всё вокруг ожило: появились пожарные машины, которые не сумев подъехать, остановились у края бетонки. Путь им преграждала огромная осушительная канава. На край бетона подъехали машины скорой помощи, бортовая, какой-то УАЗик и другие спецмашины, создав вынужденную стоянку на краю бетонной полосы.

Муж Тамары Баранкиной Юрий работал в аэропорту и в это утро должен был встретить свою жену. Он сейчас вместе со всеми спасал людей, осматривал всех, кого выносили на руках из обломков. Вдруг Юрий увидел свою Тамару, узнав её по сапогам и по одежде. Слава Богу, она ещё дышала, но не двигалась. На глаза его навернулись слёзы, но в душе он был рад, рад тому, что его жена оказалась в числе живых, без сознания, травмированная, но живая.

Какие-то люди бегали возле машин, на тропе в снегу, у частей самолёта; что-то делали, кричали друг другу, суетились, тащили пожарные рукава. Вскоре дымящиеся части упавшего самолёта оказались быстро затушены.

Ганова кто-то хлопнул по плечу. Оказалось, что на скорой помощи подъехал хирург, друг и одноклассник Костя Корин. Он не скрывал своих слёз:

– Я так и знал, Никола, то ты в этом самолёте летишь!

Ганов ещё потоптался в этой суете и сказал Корину:

– Ну ладно, пойду я домой!

Только сейчас до хирурга дошло, что его друг тоже пострадавший и тоже нуждается в помощи:

– А ну марш в «Скорую»! – скомандовал Корин.

На посадочную полосу стали выносить из обломков лайнера людей и складывать в один ряд. Только сейчас Николай стал понимать, в какую страшную переделку он попал, что мог бы сейчас лежать точно так же на холодном декабрьском бетоне.

Алексей Боровиков, затопив печку в бане, вышел на улицу. Проходящий мимо по снежной тропе мужик, ему сказал:

– Упал рейсовый самолёт. Люди, находящиеся в районе посадки на дороге, это видели и слышали, сказали, что услышали удар и звук, похожий на одновременный выдох множества людей; туда никого не пускают, всё оцепили.

Алексей больше его не слушал. Он, бросив топящуюся баню, помчался на работу. На проходной его пытались остановить милиционеры, но он, на них даже не взглянув, проскочил мимо и выбежал на перрон. До упавшего самолёта насчитывалось больше километра пути. В это время он увидел мчащуюся машину и замахал руками. Машина притормозила, он вскочил на подножку и через мгновение ехал в нужном направлении.

На месте катастрофы он увидел, что все заняты своим делом: доктора и медсёстры осматривают людей, пожарные заняты своей техникой и помогают пробираться специалистам в завалах, другие люди собирают валявшиеся вещи и остатки вещей, руководители координируют работу, охранники и милиция охраняют место происшествия. Алексей пошёл к частям самолёта. Ему никто не препятствовал. Он знал, чем надо заниматься. В любое мгновение пойдёт снег и покроет всё белым ковром, скрыв улики и вообще всё, что здесь находится. Он раздобыл бумагу, карандаш и стал составлять схему расположения частей и деталей, сильно удивившись, что правое крыло с двумя двигателями лежит слева. В это время он увидел инженера-инспектора по безопасности полётов, который с каким-то странным видом ходил среди обломков. Алексей сказал ему:

– Дмитриевич, надо успеть всё до снега зафиксировать, помогай!

Инженер ему кивнул, но всё так же продолжал ходить. Алексей тогда ещё не знал, что на этом самолёте среди студентов летела его дочь.

В Тайбольской районной больнице царил полная растерянность. Медицинская помощь требовалась только шестерым выжившим пассажирам, но персонал был несколько не в себе: в таёжном небольшом посёлке, где всего десять тысяч жителей, смерть и двух-то сразу человек бывает не частой, а тут целый самолёт с сорока девятью пассажирами и членами экипажа. Все ходили друг за другом, соображая, с чего начинать и что делать.

Корин приказал Ганова увезти на носилках в операционную. Его положили на стол, оставив так лежать, и все исчезли. Ганов увидел себя в зеркале: у него оказалась сломанной переносица и рассечён подбородок. Когда к нему пришли доктора и начали ощупывать, осматривать, раздевать, выяснилось, что под унтами с голеной содрана кожа.

Николая после процедур поместили в двухместную палату, где он никак не мог сосредоточиться от стонов соседа по койке.

Позднее в окошко постучали: ребята из парашютного отряда припали к стеклу. В форточку они подали конфеты с печеньем, затем туда же просунулась взлохмаченная голова Сашки Рудакова:

– Колька, а Вера точно с тобой летела? – спросил он.

– Я видел её в самолёте, – сказал Николай.

Крепкий и здоровый мужик зарыдал.

Под вечер к окошку пришли жена, тесть и тётя. Так до самого вечера его в покое и не оставили. Николаю очень хотелось, чтобы этот день поскорее закончился, проснуться утром и думать, что всё ему приснилось.

Метавшийся в бреду сосед кричал весь день, вечер и ночь. На следующий день его увезли в Архангельск, но по слухам живого не довезли.

В аэропорту ждали комиссию по расследованию случившегося, причём, не просто комиссию, а представителей на самом высоком уровне. Члены комиссии собирались с утра в аэропорту Архангельска, но вылететь не могли из-за закрытого Тайбольского аэропорта. Другой транспорт, чтобы добраться в таёжную глухомань, в это время года отсутствовал.

У командира объединённого отряда, не умолкая, трещал телефон. Ему все звонили, что-то требовали, просили, угрожали, добивались, умоляли, но он, кроме предписанных документами и законами действий, ничего предпринять больше не мог. Посадить очередной внеплановый самолёт он тоже не мог. В его силах было отдать распоряжение – в максимально короткий срок подготовить полосу для приёма одного внепланового самолёта – это он и сделал.

Самолёт через некоторое время прилетел, но не АН-24, а ЯК-40. Руководители перестраховывались и послали самолёт, имеющий укороченный пробег после посадки.

Освободившись после интенсивных изнурительных аварийно-спасательных работ, все работники аэропорта находились в районе перрона, ожидая самолёт. Погода оказалась с утра хорошая, но временами, как и предполагал Боровиков, шёл крупными хлопьями снег, одевая всё вокруг тонким белым покровом.

Самолёт прилетел, но на посадку заходил он непривычно высоко и издалека. Вышел на посадочную прямую так далеко, что его никто сначала не мог увидеть. Сначала появился далёкий гул и только через некоторое время точно в створе полосы на горизонте появилась маленькая чёрная точка.

Из самолёта вышли руководители и члены комиссии, что опять привело к тому, что всем работникам пришлось интенсивно трудиться, разводя их по кабинетам, по участкам; размещая в гостинице и общежитиях. Работы хватило всем. Алексея Боровикова сразу привлекли в эту авторитетную комиссию, где он и трудился, оказавшись в полном отрыве от своей основной работы.

В последующие дни народ в комиссию всё прибывал и прибывал, и его оказалось столько, что возникли большие проблемы с ночлегом, питанием и прочими премудростями.

Через некоторое время и обнаружилось, что по спискам недостаёт одного человека с упавшего самолёта. Комиссию заверяли, что вытащили всех, но поступил приказ снова приступить к поисковым работам.

Работники предприятия вместе с членами комиссии заполнили место падения самолёта, плотно укрытое свежавыпавшим снегом, и принялись тщательно и детально осматривать место падения.

Его нашли. Тело оказалось под смятыми остатками пилотской кабины. Она была слишком громоздкая, поэтому её первоначально никто не трогал и не переворачивал. Под ней оказался Фёдор Гумнов. Такая трагическая судьба досталась самому грамотному профессионалу из экипажа.

Баранкина Тамара впоследствии попала в Архангельск, где провела полтора месяца восстановления в областной клинической больнице. Мама Тамары около месяца провела с дочерью, ухаживала, кормила с ложечки, помогала ей садиться, ложиться и опускать ноги с койки, делала массаж рук, ног. Приезжали к ней и муж Юрий, свекровь, помогали ей и тоже ухаживали. Тамаре заново пришлось учиться стоять и ходить. Ушибы и переломы способствовали проведению множества операций, а с компрессионным переломом позвоночника она живёт всю жизнь. Много из того, что с ней произошло тогда, осталось за пределами её внимания, от удара она потеряла память, но Тамара не забыла о том, что, когда летела в самолёте, на коленях у неё находилась сумка с вязаньем, с чулочными иглами, а при ударе иглы вонзились в лёгкое...

Тайбольское авиапредприятие лишилось в этом рейсе сразу нескольких специалистов, но чудо случилось, когда пилоты проспали и опоздали на свой законный рейс.

Расследование затянулось. Несколько дней всё прибывали и прибывали специалисты. Задача комиссии не руководствоваться домыслами и догадками, а изучить досконально всё до последнего винтика, документы, материалы свидетельских показаний и косвенных участников события. На это требовалось время. Через некоторое время все разъехались, но работа комиссии продолжалась.

Примерно через месяц появились первые выводы, а окончательное заключение и того позднее.

За это время работа вошла в прежнюю колею, но люди не могли стереть из памяти всё произошедшее. Рейсы самолётов выполнялись и люди летали.

А десятого января Ганову пришлось вылетать обратно на учёбу. Билет ему вручили под заинтересованные взгляды пассажиров перед самым полётом. К самолёту он шёл, насквозь просвечиваемый людским любопытством. При посадке в самолёт все пассажиры как-то суетливо, толкая друг друга, кинулись в салон. Что происходит, Ганов понял, только когда вошёл внутрь: все места от последнего до середины самолета оказались заняты. Снова все пассажиры невольно смотрели на Николая, наблюдая, где он выберет себе место. Ганов, ни секунды не теряясь, прошёл к самой кабине лётчиков и уселся в первом ряду.

Впереди у него – долгая жизнь и десятки лесных пожаров, которые предстояло затушить!

03.2018.

Второе рождение

Рабочий день начинался не лучшим образом. Ещё по дороге на работу Иван, оглядывая хмурые осенние облака с низко висящими слоями тонких, почти прозрачных, туч, чувствовал, что никаких полётов не будет и что бесполезно он идёт на работу. Он давно получал пенсию, которую заслужил, имея высшую квалификацию инженера и, которой едва хватало на чёрный хлеб и оплату коммунальных услуг. Он продолжил работу, находясь на пенсии, в должности авиационного техника, выпуская в полёт самолёты.

В такую погоду, когда на улице всего минус один, а в воздухе держится промозглая незамерзшая влага, самые подходящие условия для обледенения не только самолётов, но и всего, что попадётся на пути этой переохлаждённой влаги, переносимой в пространстве по воле ветра. Иван давно научился оценивать погоду не хуже синоптика и редко ошибался, оценивая высоту облачности или изменение погоды на ближайшие часы.

Вопреки его мысленным рассуждениям, самолёты из города вылетели по расписанию.

«Самоубийцы!» – подумал Иван, – «Разве после реформ совсем не осталось в авиации здравомыслящих людей?» – спросил он сам себя, поскольку рядом никого больше не было. «Нет, кое-кто остался», – мысленно ответил он опять же сам себе, – «Только правила полётов после реформ изменились, всё отдано на откуп пилоту. Он принимает решение, лететь или не лететь».

Даже школьникам известно, что самолёт АН-2 в условиях обледенения летать не должен, он не оборудован противообледенительной системой. Точнее систему он имеет и даже не одну, а целых три, но они обслуживают незначительные отдельные части самолёта, а большая часть поверхности никакой защиты не имеет.

Размышляя о ситуации, он мысленно проклинал тех, кто выпускает к нему в такую погоду самолёты. Иван заранее, с наступлением осени, предупредил своё начальство, что для удаления обледенения в аэропорту ничего нет. К зиме аэропорт готовился, но формально, только на бумаге. На самом деле из имеющегося допотопного оборудования, оставшегося с советских времён, ничего не осмотрено, не проверено и не отремонтировано, а он работает сам по себе: ни к оборудованию, ни к аэропорту никакого отношения не имеет.

Два, севших друг за другом самолёта, обледенели не очень сильно. Иван успел удалить лёд с помощью деревянной палки, постукивая аккуратно по поверхности, чтобы лёд отлетел, а поверхность плоскостей оказалась не поцарапана и не повреждена. Такой метод инструкциями не предусмотрен, но им пользуются все со времён зарождения авиации. Инструкции составляются в научно-исследовательских институтах, они очень далеки от реальности. Они, конечно же, учитывают опыт эксплуатации, но по большому счёту в крупных аэропортах, а не в таком, как этот, который за годы реформ стал площадкой с полевыми условиями труда.

Документами предусмотрено чистить поверхность воздушного судна волосяной щёткой, но разве лёд щёткой удалишь? Вот техники и колотят по самолёту, пока весь лёд не отскочит!

В аэропорту есть и подогреватель, и установка для облива противообледенительной жидкостью, но оборудование у новых хозяев после разрушительных реформ находилось в нерабочем состоянии, стояло осиротевшим.

Хотя, надо сказать, в больших аэропортах тоже в эту пору обстояло не всё гладко. Однажды, когда Иван вылетал в качестве пассажира из Внуково при сильнейшем снегопаде, сидя у окна, видел двухметровые сугробы снега на плоскостях. Ему с профессиональной точки зрения было интересно, как же будут очищать поверхность? Экипаж ходил вокруг самолёта, но ничего не происходило. Через некоторое время на плоскость, как раз напротив окна, залез техник и стал ковырять сугроб лопатой. От его усилий сугроб почти не убывал. Техник казался букашкой в этом огромном океане снега.

Затем Иван увидел, как экипаж прогнал техника с плоскости. Двери самолёта закрылись. Экипаж запустил двигатели и самолёт побежал по взлётной полосе. В процессе разбега с плоскостей стали падать огромные многотонные глыбы снега на бетон, обнажая гладкую поверхность крыла. Вот так снег и удалился! Этому ни в одной инструкции не прописано и вряд ли люди, пишущие инструкции, знают, как на самом деле происходит борьба с обледенением!

Самолёты улетели развозить по деревням пассажиров, а Иван остался их ждать, смотря удручающе на низкие тёмные плёнки облаков в той стороне, куда улетели самолёты.

Казалось, что эти цепкие чёрные покрывала протягивают свои щупальца, чтобы захватить в них самолёт и утянуть в ненасытный обволакивающий страшный желудок.

Метеослужба дала лётный прогноз, и на основании её данных выполнялись полёты.

Сомнения у метеослужбы появились, когда самолёты возвращались из деревень обратно. Аэропорт собирались временно закрыть, но из-за находящихся в воздухе самолётов этот момент откладывался и оттягивался до их посадки – это негласное правило: принять, по возможности, самолёт, находящийся в воздухе. Один лайнер совершил плановую посадку в очередную деревню, а второй был на подлёте, оставалось десять минут до его прибытия.

Минуты шли, а самолёт не показывался. Иван глядел в ту сторону, откуда он должен был появиться, но ничего не происходило. Отсутствовал даже его гул, который иногда появляется раньше самолёта.

Ан-2 внезапно вынырнул из нависшей тёмной плёнки. Он как-то неуклюже и, не спеша, приближался к торцу полосы. Экипаж убрал газ двигателю, когда самолёт поравнялся с торцом полосы, хотя обычно эта процедура выполняется несколько ранее. Лайнер как будто споткнулся о какое-то невидимое препятствие и неуклюже рухнул вниз в самый торец бетонки, приземлившись почему-то на одно колесо.

«Наверно командир доверил посадку самолёта второму пилоту», – подумал Иван, – «Давно я таких посадок не видел!» Он наблюдал, как самолёт рулит к нему на стоянку. «Должен появиться и второй лайнер», – снова подумал Иван, – «Тут лёту от деревни всего двадцать минут!»

Увидев приземлившийся самолёт, он понял, что его непрофессиональный прогноз сбылся – это был не самолёт, а обледенелый бесформенный лайнер из «мультишки», со свисающими сосульками.

«Вот почему он так сел! По этой же причине он и запоздал на несколько минут», – вспомнил посадку Иван.

Вышедший командир самолёта это подтвердил:

– Руля не хватило! – сказал Виктор Владимирович.

– Буду лёд удалять, – сказал Иван, – Выпущу только тогда, когда всё удалю.

– Я тебя понял. Пойду проанализирую прогноз в город, а когда приду, будем со вторым пилотом помогать. У нас мало светлого времени, надо торопиться.

– Где второй самолёт? – успел спросить Иван.

– Он взлетел, но сел обратно в деревню, его пока не жди.

Командир самолёта имел солидный возраст, который позволял спокойно уйти на пенсию, но он летал, как это делали и другие пилоты, имеющие солидный возраст и стаж. Пока позволяло здоровье не хотелось уходить из профессии. Со вторым самолётом он связывался и знал, что тот после взлёта сильно обледенел, поэтому сразу и вернулся на площадку вылета. У него коллега тоже интересовался условиями, но в эфир всего не скажешь, поэтому он сообщил только то, что и диспетчеру, что садится в пункте назначения.

Иван старался изо всех сил и возможностей, но дело продвигалось очень медленно. Лёд кусками падал на бетон. На бетоне его становилось всё больше, а на самолёте он убывал слабо. Ему стал помогать коллега, бывший техник. Закончив дела, присоединился к этой работе второй пилот, а затем и подошедший командир экипажа.

Вчетвером дело пошло намного быстрее.

– Мне дали лётный прогноз до города, – сказал Виктор Владимирович.

– Куда же ты полетишь? – спросил Иван, показав на тёмную плёнку в той стороне, куда надо было лететь.

– Ничего, улетим. Загрузили почту, а пассажир всего один. Самолёт пустой, улетим, – заверил он, смотря в ту же сторону, что и Иван.

Больше Иван ничего не сказал, уверенный в душе, что лететь нельзя. Он знал из практики, что экипажи, если есть возможность, стремятся улететь домой, выискивая для этой цели любые оправдания.

Минут через сорок самолёт обрёл привычные формы, оставив груды льда на перроне. На поверхности льда почти совсем не осталось. На пустой самолёт отдельные, имевшиеся на поверхности перкали пятнышки, существенного влияния не оказывали.

Иван знал, что до первой посадки в деревне, по пути в город, лететь всего двадцать минут и понимал, что до деревни он прекрасно долетит. «В крайнем случае вернётся ко мне», – подумал Иван, – «Там принимать решение будет экипаж, поскольку технического обслуживания на той площадке нет».

– Готовьтесь, – сказал Иван, – А я пойду подписывать документы. Теперь препятствий задерживать самолёт я не вижу.

Самолёт взлетел и, взяв нужный курс, стал удаляться.

– Вы что, решили лететь? – спросил по радио коллега, сидевший на площадке и услышавший переговоры диспетчера с летевшим экипажем.

– Мы обколотились, – ответил ему Виктор Владимирович, хотя эти переговоры сейчас являлись посторонними, велись в нарушение действующих инструкций.

Он сказал только одну фразу, боясь засорять эфир ненужной информацией, затем глянул на Александра, второго пилота, и по внутренней связи попросил внимательно следить за приборами, особенно за двигателем, который мог при такой погоде тоже заледенеть. Такое бывает, если не соблюдать рекомендуемые параметры его работы.

Он периодически поглядывал в боковое окно и видел, как стремительно нарастал лёд на лентах-расчалках и плоскостях, хотя летели они предельно низко и плёнку облаков не затрагивали, где обледенение было бы намного интенсивнее.

– Готовься опять работать, – сказал он Александру по внутренней связи, – Время поджимает, надо всё делать быстро.

– Я вижу, – ответил Александр, – Хорошо, что самолёт пустой, а наш пассажир этого не видит, ему сейчас лишь бы попасть домой.

– Не расслабляйся, скоро будем снижаться, хотя мы и так летим над верхушками ёлок.

На площадку они сели нормально. Сдав почту, привлекли начальника площадки для отбивания налипшего льда.

Втроём опять проделывали ту же самую работу, что и на предыдущей площадке. Здесь никто не контролировал. Через некоторое время Владимир Викторович сказал:

– Хватит! Нас поджимает время. Самолёт пустой, улетим: пассажир вышел, почту сняли, а отсюда ничего нет.

Лайнер, огласив округу взлётным режимом двигателя, устремился с площадки в город, домой.

Ничего не изменилось. Как только взлетели, на всех передних кромках стал нарастать предательский тонкий ледок. А там, где лёд оставался перед взлётом, он стал увеличиваться в размерах.

– Ничего, – сказал Виктор Владимирович второму пилоту, – Как-нибудь доберёмся. Прогноз я изучил. Он по всей трассе относительно хороший.

– Своим глазам я доверяю больше, – ответил Александр.

Александр был ещё совсем молод. Опыт полётов имелся, но совсем незначительный. Вторые пилоты чаще доверялись командиру, хотя в составе экипажа они имели право своего голоса. Этим, как правило, никто не пользовался: есть командир воздушного судна – пусть он и думает, как поступать и что делать.

– Лететь-то нам остался только один час, – сказал по внутренней связи командир, успокаивая то ли самого себя, то ли второго пилота, – Мы можем нацеплять льда целую тонну и полетим тогда с полной нагрузкой, только и всего. Разве с полной нагрузкой мы не летаем? Да летаем каждый день!

– Верно, но с сосульками мы летаем не часто, – промолвил второй пилот.

– Сосульки будем считать бесплатными пассажирами.

– У нас топлива едва хватает. Его расход увеличился, по расчёту нам точно не хватит. Придётся расходовать запас, предназначенный для ухода на запасной аэродром.

– Ты расход контролируй, а на запасной мы вряд ли полетим. Сейчас везде такая «бьяка». Погода, вроде, есть, а сплошной сумрак и нет видимости. Полетим к себе, нас ждут, всё согласовано. Дома ночевать лучше, чем в какой-нибудь «тёме-таракани».

– Дома, конечно, лучше, – согласился Александр.

Пилоты замолчали, думая каждый свою думу. На этом самолёте переговоры экипажа не записывались. Говорить можно сколько угодно, но как-то так получалось, что пилоты в полёте переговаривались редко. Один член экипажа обычно управлял самолётом, а второй заполнял бумаги, которых копилось несметное количество: бортовой журнал, загрузочные ведомости, почтовые накладные, сводки погоды, штурманские расчёты, какие-то записки и поручения.

На каждой площадке находились знакомые коллеги, которые запросто могли передать пустое ведро, пакет, служебное письмо и многое другое, причём были передачи и на словах. Все это надо запомнить, «переварить», рассортировать в голове, чтобы ничего не забыть и не упустить из виду, иначе забытый пакет может летать не один день, пока не прилетит к адресату. Такое случалось: экипаж улетал совсем в другую сторону и потом звонил, чтобы коллеги доставили «потеряшку» туда, куда необходимо.

– Бензин точно улечувивается куда-то не туда, да и по времени мы уже не успеваем долететь точно по расчёту, летим слишком медленно, – опять заговорил второй пилот.

– Я это заметил, – сказал Виктор Владимирович, – Самолёт держит скорость, чтобы висеть в воздухе и не упасть. Режим двигателя повышенный, а скорости нет, поэтому и расход топлива большой. Я что сделаю, если он не летит! – воскликнул он и поправился:

– Точнее летит, но слишком тихо.

– У нас лёд висит коростами, сопротивление слишком большое. Я сколько гляжу, он всё нарастает! – сказал Александр, – А ещё нарастают сосульки, как весной на крышах.

– Нарастает, – подтвердил Виктор Владимирович, – Терпи, город уже на горизонте, только его из-за дымки не видно.

– Мигают лампочки критического остатка топлива.

– Нам должно хватить. А на «лампочках» летать приходится часто, всего и на все случаи жизни не предусмотреть! На всякий случай, присматривай по пути подходящие площадки для посадки. Хотя сесть тут совершенно некуда, сильно пересечённая местность, река во льду, электролинии и болота. Лёд на реке в заливах замёрз, но он совсем тонкий, а на середине фарватер, где «дорогу» пробивают пароходы, он не замерзает всю зиму.

Двигатель неожиданно «чихнул». Пилоты непроизвольно на него посмотрели, но он, как ни в чём небывало, опять работал ровно и устойчиво, тянул вперёд груды обледенелого матерчатого металла, который самолётом сейчас назвать трудно.

– Такое впечатление, что мы не летим, а стоим на месте, – сказал Александр.

– Немного двигаемся, но очень тихо, – ответил Виктор Владимирович, – Так самолёт у меня ещё не летал. Двойную норму горючки израсходовали.

Сквозь серую мглу стали видны очертания городских высотных зданий и электрическое освещение, сливающееся в жёлтое зарево. Осталось лететь каких-то шестьдесят-семьдесят километров, а, может, и того меньше.

Виктор Владимирович направил самолёт наискосок через реку, туда, где был родной аэродром. Подсознательно он понимал, что там есть прямое шоссе и луга, пригодные для посадки, пусть не идеальные, но они лучше, чем овражистая местность с бесконечными домиками, которая находилась под ними.

Внезапно звук двигателя пропал. Самолёт по инерции ещё двигался, но сразу клюнул носом и устремился вниз.

Время для раздумья не имелось ни секунды. Внизу простиралась замёрзшая река с пробитым фарватером. Перед самолёта смотрел прямо в фарватер, что означало неминуемую гибель.

«Ладно», – подумал командир, – «Перед самым касанием попробую его перетянуть через фарватер, хотя сознанием понимаю, что он сейчас без двигателя почти неуправляем».

Эта мысль пролетела в доли секунды, что имелись в его распоряжении. В следующее мгновение он уже выравнивал самолёт и ещё через мгновение шасси стукнулись о бруствер льда на противоположном краю фарватера. Шасси отлетели, как будто их и не было, а самолёт стал чертить брюхом и лопастями винта по льду. Очень повезло, что осенний лёд выдержал и не проломился. Пробежав некоторое расстояние на брюхе, лайнер остановился.

Александр и Виктор Владимирович посмотрели друг на друга. Первым пришёл в себя командир:

– Надо, однако, выбираться, пока самолёт не ушёл под воду.

Они вышли на лёд. Картина рисовалась удручающая: то, что осталось от самолёта лежало плашмя на льду, обросшее таким же прозрачным льдом со свисающими сосульками. Двигатель своей тяжестью давил на поверхность льда, поэтому она медленно оседала, образуя под двигателем лужу выступающей воды.

– Нам, наверно, уходить никуда не надо, – сказал Виктор Владимирович, – Город рядом, нас быстро найдут. А вообще мы сегодня заново родились. Могли оказаться подо льдом и рассматривать рыб.

– Я не думал, что всё так закончится, – сказал Александр.

– На сегодня всё закончилось, дальше готовься к разборкам и написанию объяснительных. Самолёт сломан, рейс не завершён, сами чудом остались живы, – он повторился:

– Запомни дату дня своего второго рождения. Мы должны были быть там, – он показал рукой на пробитый судами фарватер.

Вечерело. Промозглая осень напоминала о себе сумерками, холодом и чем-то таким, от чего становилось неуютно, зябко и тревожно. Самолёт темнел своей искорёженной грудой. Два человека ходили по льду, затерявшись на просторах огромной реки вблизи такого же огромного города, но чувствовали себя совсем одинокими.

11. 2017.

День России

Похмельное утро заявило о себе очнувшейся ото сна больной головой. Глаза ещё не открылись, а сознание мучительно настраивало организм к наступлению нового дня.

«Как хорошо, что не надо идти на работу!» – мысленно воскликнула просыпающаяся душа Василия Григорьевича, – «Всё-таки положительный момент от прошедших реформ есть! Освободили работу от нас грешных. Реформы уничтожили предприятие, а работникам предоставили полную свободу действий, значит, отдыхать можно столько, сколько пожелает душа!»

А ещё Василий Григорьевич, опустившись к делам земным и обыденным, подумал:

«Надо бы как-то поправить голову, что-то она совсем расхворалась!»

Он приоткрыл один глаз, чтобы обзреть окрестности и провести рекогносцировку прилегающей местности. Перед взором почему-то возник материализовавшийся образ проживающей с ним в одной квартире женщины, расхаживающей в прозрачной ночной рубашке.

«Что-то душа у меня сегодня не очень настроена видеть „чудное мгновение“. Не уехать ли мне сегодня на рыбалку, чтобы отдохнуть и немного прийти в себя?»

Внезапно Василий Григорьевич вспомнил, что наступил с утра праздник: День России.

«Не зря я подумал про рыбалку! Вполне официально могу в праздничный день поправить свою голову. Это раньше в праздник люди ходили с флагами, с портретами, лозунгами, а теперь никому ни до кого нет дела, полная свобода! Хочешь, можешь поехать на рыбалку, а хочешь, празднуй дома в постели! Кто мне запретит праздновать? Никто – демократия!» – сам себе ответил Василий Григорьевич, – «Веду я себя культурно, с моста не падаю, как некоторые выпивохи, ни к кому не пристаю».

Утвердившись в своих мыслях, он полностью открыл опухшие ото сна глаза. «Чудное мгновение» успело облачиться в домашний потёртый халат с огромными китайскими аляповатыми цветами по всей площади мощной фигуры.

«Такие цветы бывают только в сказках», – пришла нелепая мысль в голову Василия Григорьевича.

– Вера, а ты знаешь, что сегодня у нас праздник? – спросил жену Василий.

– А вчера разве у тебя был не праздник? Ты уже сам не замечаешь, что праздники теперь у нас стали появляться каждый день!

– А так оно и есть! Вчера был День Любителей Пива, позавчера День Бывших Совхозов, а ещё раньше День Ямочного Ремонта Дорог. Как же не отмечать праздники? Никто не поймёт. На Руси славяне праздники отмечают со времён её сотворения, а сегодня-то вообще великий праздник: День России! Разве мы не в России живём? В России, значит, мы со всем народом должны праздновать этот день!

– Я с утра у плиты праздную и тебе советую заняться каким-либо делом.

– Работать в праздник не разрешает наша религия!

– С каких это пор ты стал верующим?

– Я русские традиции соблюдаю, независимо от веры, принадлежности и семейного положения. Я даже партийные праздники соблюдаю. Партий ныне много, значит, и праздников много!

– Садись за стол, пей чай. Я уже попила. Самовар горячий, в нём ещё угли не остыли.

– Не за стол, а за «тэйбл» – ныне без знаний английского языка никуда, – Но «тэйбл» не накрыт по-праздничному. Не буду же я говорить «ай лав ю», если у меня с утра нет здоровья!

– Обойдётся!

В дверь постучали. Просунувшаяся в приоткрытую дверь непричёсанная голова спросила:

– Василий, не желаешь ли ты сходить на рыбалку?

– Чего это ты, Федя, говоришь из дверей, не поздоровавшись и не поздравив нас с праздником? – спросила Вера.

– Я знаю, Вера, как ты прекрасна в гневе! Здравствуй! Я не застрахован от летающих сковородок! Да, и с праздником! А разве сегодня есть праздник?

– Сегодня День России!

– О, тогда я вхожу! В праздник сковородки и прочие неопознанные объекты не летают, – Фёдор смело перешагнул порог, – Ты, Вера, сегодня прекрасно выглядишь! Жаль, что одета в халат и встречаешь не как в прошлый раз: в ночной рубашке. В прошлый раз ты была так прекрасна в своём гневе, что я даже не почувствовал боли от прилетевшей сковородки!

– Садись к столу, – пригласила Вера, скрывая улыбку и клянув на лстивый заезженный комплимент, – У нас на столе праздничный чай. Ты как раз поспел к чаю.

Фёдор, облачённый в повседневную невзрачную одежду, то ли рыбацкую, то ли рабочую, в фетровой шляпе на голове, присел с краю стола. Глаза его хотели что-то сказать. Они выразительно глядели на Василия, перескакивали на Веру, потом снова на Василия, но слова почему-то где-то, в самом нутре души, застряли, не решаясь вырваться наружу.

– Хорошая сегодня погода! – наконец проговорил Фёдор и, увидев, что Вера отвернулась, показал Василию из-под своей расстёгнутой куртки горлышко бутылки.

– Да, у меня от этой радостной вести, что погода хорошая, сразу поднялось настроение, – радостно воскликнул Василий, – Ты бы снял куртку. И в самом деле, попьём ради праздника чаю. Вера уже попила, а мы с тобой попьём сейчас!

– Пойду, немного приоденусь, – сказала Вера и вышла из кухни.

Василий мгновенно забрал у Фёдора бутылку.

– Иди к вешалке, сними куртку, – сказал он.

Затем Василий открыл крышку самовара и вылил содержимое бутылки внутрь, не забыв спрятать пустую бутылку за холодильник.

– Фёдор, я наливаю, мой руки и к столу. Я достану чего-нибудь закусить, неприлично гостя угощать одним чаем! – громко сказал Василий и налил чаю в бокалы, поставив их на стол, а затем ломтиками нарезал в тарелку «Докторскую» колбасу и сыр.

Присоединившись в компанию за стол, Фёдор сказал:

– Отпиваю этот отменный чай за День России, – он вынужден был пить маленькими глотками, поскольку вошла Вера в джинсах и красивой кофте, начав хлопотать на кухне по хозяйству.

Василий демонстрировал жене то же самое, что и Фёдор, отпивая из кружки мелкими глотками. Выпив по кружке, мужчины тут же налили из краника по второй, не забыв кружками чокнуться.

– А ведь права жена, – сказал Василий, – Можно праздновать и так, за кружкой чая. Как ни крути, а она у меня всегда права! Не хватало ещё, чтобы в День России мы напились и ходили по деревне пьяными.

Мужчины опустошили очередные налитые кружки, тут же наполнив их из краника самовара снова.

– Вас и в самом деле потянуло на чай, – заметив их усердие, сказала Вера, – Я ведь могу и в магазин сходить, если вас так сильно мучает жажда.

– Нет, – сказал Василий, – С утра мы будем трезвыми, а вот на рыбалку нам с собой можешь чего-нибудь выделить. Рыбалка – дело серьёзное, надо соблюсти весь ритуал, иначе никакой рыбы не будет!

– Когда это ты приносил рыбу? – спросила подозрительно Вера.

– А разве не я принёс в прошлый раз дичь?

– Это рябчика-то что ли? Я, когда его ощипала, осталось нечто, похожее на мышь.

– Нельзя так говорить про охотничьи трофеи – это был не какой-то там американский окорочок, а самая настоящая дичь! А её размер для охотника не так и важен. Так и рыба: её нет, а в другой раз сразу озолотит!

– Не знаю, как Фёдора, а тебя ещё ни разу не озолотило!

– Слушай, – сказал не вступавший в диалог и молчавший Фёдор, – Что-то у нас из крафика самовара плохо льётся, наверно, всё кончилось. Ну, так я пойду собираться? – спросил он и добавил, – Спасибо за чай!

– Собирайся, я сейчас приду, – ответил Василий, – Поедем на лодке в избу, там, у избы, мы и будем ловить, – и он обратился к жене:

– Вера, ты нам обещала к празднику главную рыбацкую снасть. Так как? Нам ждать или идти?

– Куда от вас деться? У меня дома есть, припасено на всякий случай. Тебе бы я не дала, а Фёдора угощу. Человек пришёл в гости, а мы угощали его остывшим чаем! Нехорошо.

– Мы возьмём это с собой. Нам ещё ехать, будем за рулём, – сказал Василий.

– Не вместе же вы будете за рулём? Что-то ты сегодня выглядишь не с похмелья, а, как пьяный. Неужели вчера так перебрал?

– Это со вчерашнего, а у тебя никакой ко мне жалости. Рулим мы по очереди. А Фёдору жидкость сейчас даже вредна, он перепил чаю.

– Мне-то что, берите с собой. Всё равно рыбы от вас не дождаться!

На этом сборы оказались закончены.

А на следующее утро вся деревня обсуждала, как прошлым вечером в праздничный день Фёдор Рыбаков мирно спал посреди дороги в колее, наезженной машинами. Из одежды на нём почему-то были только одни трусы.

– Где рыба? – тем же утром спросила мужа Вера, – Вчера ты явился домой никакой!

Василию не хотелось отвечать. Он только хотел, чтобы его оставили в покое. Но голос жены, как молотом по наковальне в кузнице, долбил по разрозненным остаткам мозгов ритмично и, не переставая.

– Не клевало, – нехотя ответил Василий, – Оказывается, в праздники рыба не клюёт.

– Вы хоть от дома-то отъезжали?

– А как же? – сделал обиженный вид Василий, – Я всё снял на фотоаппарат. Возьми и посмотри. На снимках мы с Фёдором пьём чай в избе.

Жена недоверчиво стала разглядывать фотографии.

– Ваша изба выглядит, как хорошая квартира!

– Так и есть. Что мы, не люди что ли? – обиделся Василий.

– Теперь я понимаю, почему у вас не клевало?

– Почему?

– Вы забыли убрать со стенки домашний женский халат, который висит на гвозде за вашими спинами.

Василий недоверчиво глянул на снимок. «Вот это прокол!» – подумал он и сказал:

– Он там висит всегда – это не халат, а маскхалат.

– Вы что, от рыбы маскируетесь?

– Нет, только когда охотимся. Дичь домашней одежды не боится.

– Вы сидите вдвоём, а кто же тогда вас фотографировал? Не владелица ли халата, забывшая его одеть?

– Ну, ты, мать, даёшь! Разве женщины бывают так далеко от дома? Там были другие рыбаки. И хватит меня допрашивать! Что я, алкоголик какой, что ли? Всегда ты весь праздник испортишь! Как-никак был День России! А мы, как истинные патриоты, чтим русские традиции! Фотографировал нас, могу сказать, Филька Семушин.

– Это не тот, который утонул?

– Он самый.

С Филиппом приключилась в своё время целая история. Однажды пошёл он от избы к речке зачерпнуть воды в чайник, а его драгоценная соломенная шляпа, которой он очень гордился и с ней не расставался, взяла и свалилась с головы в воду. В речке у самого берега глубина больше метра. Филька не рискнул прыгнуть в воду. «Ладно», – подумал он, – «Её всё равно прибьёт к кустам, попью чаю, схожу за лодкой и её выловлю». А шляпа, как он её потом не искал, исчезла бесследно, ни у ближайших кустов, ни ниже по течению её не было.

Через некоторое время шляпу нашли рыбаки. Тогда люди все и подумали, что Филька утонул. Без этой шляпы на голове его никто представить не мог. А поскольку Филипп пропадал на заимке неделями, его естественно никто и не видел. Объявился он без шляпы, когда его уже и искать в воде перестали. С тех пор он и стал утопленником.

– Лучше бы ты работал! – сказала Вера и отошла от мужа.

Больше Василия Григорьевича никто не допрашивал. Он лежал и мучительно вспоминал, какой сегодня день и, какой праздник может быть именно в этот день.

«Скорее бы, что ли, отменили реформы и с утра ходить, как раньше, на работу. Тяжело без работы, никакого здоровья не хватит!», – а ещё он подумал, что не будет больше на рыбалке фотографироваться...

Жених

– Анька, што сидишь, развесивши буфера? Али делать нечего? Иди, покорми ребёнка! – крикнула Анна Фёдоровна.

Её дочь Анна сидела на табуретке посреди большой комнаты в потёртом домашнем халате в какой-то неприличной позе, словно верхом на гнедом коне. Со стороны действительно могло показаться, что она не обращала на себя никакого внимания, чтобы выглядеть как-то немного женственней и приличней. Но дома сейчас, кроме её и матери, да ещё ребёнка в другой комнате, никого не было. Хотя, надо отметить, красоты Анне не занимать! Она и в домашнем халате выглядела царевной, этакой деревенской некрасовской женщиной – кровь с молоком! Слегка естественно румянившиеся щёки на свежем закалённом привольным воздухом лице делали её неотразимой для тех, кто понимал красоту и в ней разбирался. Она знала эту свою особенность, но не гордилась и не зазнавалась, а всегда была простой в общении и открытой, как чистая книга.

Вытащив из едва прикрывавшего её халата огромную безразмерную грудь, глядя на которую, казалось, что оболочка вот-вот лопнет и содержимое брызнет во все стороны, Анна проследовала в соседнюю комнату. Мать послушаться она не посмела, хотя ей сейчас больше всего хотелось посидеть и, замкнувшись в себе, помечтать и удалиться куда-то в неизвестную даль от мирских дел, от ребёнка и вообще ото всего, что мешало ей наладить свою жизнь.

Анна Фёдоровна зашла в комнату следом. Так уж получилось, что её дочь назвали в честь её самой и теперь в доме проживали две Анны.

– Зачем своего разгильдяя отпустила к этой шалаве? Какой-никакой, а был бы в доме мужик, – продолжала поучать Анна Фёдоровна, – И откуда такие прохвосты берутся? Не успел одного ребёнка смастерить, а уже метит присоседиться к другой, такой же дурёхе!

– Он не прохвост, – возразила Анна.

– А не прохвост, так что же он не возле тебя?

– Я его люблю! – сказала тихо Анна, – И он меня тоже. А сейчас, как он сказал, ему надо отвлечься и подумать.

– От кого отвлечься? От тебя? От ребёнка? – засыпала дочь вопросами Анна Фёдоровна, – Каким местом он думает? Вместо того, чтобы, как положено, жениться и воспитывать детей, он скачет, как ретивый конь. Ты-то, вообще, сама о чём думала? Прежде, чем заводить детей, надо с матерью посоветоваться, – продолжала ворчать Анна Фёдоровна.

– И попросить постоять рядом... – добавила, рассердившись, Анна.

Этот бесконечный, надоевший Анне разговор, Анна Фёдоровна заводила далеко не в первый раз и продолжала говорить одно и то же по привычке, как заигранная пластинка, считая своим долгом воспитывать давно уже взрослую дочь.

– А ты не огрызайся, а слушай, что тебе говорит мать!

Между тем Анна, покормив ребёнка, склонилась над кроватью, укладывая его на пелёнку. Поскольку грудь она так и не удосужилась спрятать, мальчонка уцепился за неё вместо игрушки, вцепившись своими коготками.

– Рано тебе ещё изучать окрестности! – сказала ему Анна и ловким движением спрятала грудь в халат.

– Обед закончен, – сказала она неизвестно кому, – Можно идти гулять, заодно и сама прогуляюсь.

– Ты приоденся, – сказала на всякий случай Анна Фёдоровна, – Не ходи так. А я пока заверну мальчика.

– А кто меня видит! – возразила Анна, – Только выйду, все женихи и так побросают работу и скопятся возле меня. Вот только мне их не надо! Мне нужен один, такой, как Федька!

– Где он твой Федька? За очередным подолом ухлёстывает, скоро во сне его будешь звать! – сказала недовольно Анна Фёдоровна.

– Ну и пусть ухлёстывает, мы и без него погуляем. Он тоже погуляет и придёт, не может не прийти.

– Ну-ну, надейся и жди. Оптимизма тебе не занимать, – Анна Фёдоровна, пока дочь одевалась, приготовила мальчика к прогулке.

Она вынесла его ко крыльцу и положила в коляску.

Федька Пряхин оболтус и лодырь слыл в деревне красавцем. Своей внешностью он притягивал женщин, как магнитом. Не надо ни к кому подбирать ключи и утруждаться. Попалась на его кудрявую внешность в своё время и Аня. Это потом приходит осознание всего происходящего, а в первый момент видна только внешность и больше ничего. А эта высокая белокурая кудрявая внешность пользовалась своим неотразимым преимуществом перед конкурентами, которых имелось далеко не в избытке.

– Не торопись, не вырони младенца! – напутствовала Анна Фёдоровна, когда Аня повела коляску к калитке.

А у калитки она нос к носу столкнулась с незнакомым мужиком. Деревенских ребят она всех знала, а этого в костюме и галстук, который совсем не гармонировал с его небритым обличьем, не знала совсем. Она хотела прошмыгнуть мимо, но колесо коляски, как назло, юркнуло в щель между досками и никак не хотело оттуда вылезать. Помощь просить она не собиралась, не из таких передряг выходила победителем, имея кроме красоты и недюжинную силу.

– Вам помочь? – спросил мужик.

– Обойдусь, – грубо ответила она, не желая вступать в переговоры.

Мужик не сдавался. Он зачем-то снял кепку, почесал темя и снова её одел, а потом спросил:

– Не знаете ли случайно кто тут сдаёт угол? Я тут никого не знаю, спрашиваю у всех подряд.

– И что?

Мужик не понял, что она спросила, но Аня добавила:

– Много углов нашли?

– Пока ни одного.

Колесо коляски никак не вылезало из щели. Мужик спросил:

– Может, я всё-таки помогу?

Аня подвинулась в сторонку, не выпуская из руки дужку у коляски. Только теперь она внимательно посмотрела на мужика. «Так себе», – сделала она вывод, – «Не высокий, не низкий, какой-то средний и невзрачный, а ещё небритый».

– В угол поселишь семью, детей, а потом и весь дом оттяпаешь! – сказала она.

– Чего? – не понял мужик.

– Я насчёт попить, когда хочется сильно есть и переночевать тоже негде.

Колесо выскочило из щели как-то легко и быстро.

Вдруг Аня сунула коляску в руки мужику и сказала, как отрезала:

– Кати...

Мужик от растерянности покатил коляску.

– Я решила, что угол ты начнёшь отрабатывать прямо сейчас. У меня муж строгий, дармоедов не любит, а небольшой угол в избе найти можно.

– Куда катить? – спросил мужик.

– А так и кати – прямо, посреди улицы, а я буду за тебя держаться. Пусть все видят, что ты работаешь.

– А муж?

– Муж тоже должен всё видеть, чтобы не подумал случайно на плохое. Он будет очень рад, что ему помогают выполнять хозяйственные проблемы.

Так они и пошли. Аня захватила мужчину под руку и немного прижалась к его плечу. Возможно, прижалась, больше, чем требовали правила приличия, но в этом сейчас была острая необходимость. Она успела краем глаза увидеть любопытные глаза из окон домов. «Пусть смотрят», – злорадно подумала она, – «Пусть видят, что у меня есть свой заботливый ухажёр или муж – это будет зависеть от фантазии любопытных».

Её мысли прервал вопрос попутчика:

– А Вы не обманете, место для ночлега мне будет?

– Вопросы задавать рано, – ответила Аня, – Вы ещё ничего не заработали. Гулять с ребёнком надо два часа.

– Я стараюсь, но как-то не совсем удобно.

– Что? С ребёнком гулять неудобно?

– Нет, не в этом дело. Что подумают Ваши знакомые и муж...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.